

Майкл Терри

Женщина, которая видела Сатану

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т35

Терри М.

Женщина, которая видела Сатану / М. Терри —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 61 с.

ISBN 978-5-532-05347-2

Холли Вишес - обычная студентка колледжа, которая в свободное от учебы время подрабатывает частным фотографом. Выполнив очередной заказ, она пересматривает проявленные фотоснимки и видит на последнем из них то, от чего ее сердце сжимает ледяной холод и душу сковывает первобытный страх.

Пролог

Холли Вишес только-только вступила во взрослую жизнь. Именно сегодня ей исполнилось восемнадцать лет, но сказать о том, что за плечами она оставила счастливое детство, было бы явным преувеличением. Ее мать умерла при родах, а отец, беспробудно топивший свое горе в виски и обвинявший в смерти супруги новорожденную дочь, протянул не на много дольше и, спустя всего лишь полгода, благополучно повесился на заднем дворе дома, перекинув прочную веревку через толстую ветку росшего здесь дуба. Девочку, разумеется, отправили в приют, где она провела первые шестнадцать лет своей жизни, ничем не отличаясь от остальных ребят, за исключением, пожалуй, того, что ее страстью была фотография.

Фотография, как считала Холли – это восьмое чудо света. Это одно из проявлений магии и волшебства. Мало того, что обычный кусок бумаги имеет власть над временем, заставляя его застыть навсегда, так еще он дает шанс людям, никогда в жизни не выезжавшим из Америки, узнать, как выглядит, например, Европа.

Долгое время Холли была не в состоянии купить собственный фотоаппарат и, часами пролистывая книги и журналы о путешествиях в библиотеке детского дома, могла позволить себе лишь мечтать о том, что когда вырастет, то обязательно приобретет фотоаппарат, устроится фоторепортером в какое-нибудь авторитетное издание, объездит весь мир и будет знакомить людей с жизнью и бытом в различных уголках света при помощи ярких, завораживающих кадров.

Покинув детский дом в шестнадцать лет, Холли, стремясь приблизиться к своей заветной мечте, поступила в колледж на отделение фотожурналистики. Первое время она подрабатывала официанткой в одном из городских ресторанчиков быстрого обслуживания, но, как только заработала на первый собственный фотоаппарат, то сразу же бросила эту ненавистную ей работу. Как же она была счастлива, когда первый раз в жизни взяла в дрожащие от возбуждения и радости руки новенькое, только что купленное устройство, прикру-

тила к нему фотовспышку и посмотрела в видоискатель. Она была очень горда собой и точно знала, что находится на правильном пути.

Продолжая обучение в колледже, теперь Холли подрабатывала не официанткой, а частным фотографом, осуществляя поиск клиентов через объявления в газетах. К слову сказать, несмотря на то, что она еще не получила должное образование, у нее был природный талант к фотографированию, поэтому очень скоро клиенты, заинтересованные в работе с юным, но достаточно профессиональным фотографом, который к тому же не задирает цены на свои услуги, сами стали выходить на нее.

Итак, в один из очередных солнечных дней начала июля 1953 года, а точнее, в день своего восемнадцатилетия Холли проводила фотосессию одной молодой, совсем недавно поженившейся пары. Они втроем бродили по тихим центральным улочкам большого города и Холли фотографировала молодоженов на фоне различных достопримечательностей, памятников и красивых архитектурных сооружений, коих было в избытке. Неспешно прогуливаясь, они оказались в очередном переулочке с довольно крутым спуском, зажатом между высокими, плотно стоящими друг к другу домами. Вымощенная булыжниками старинная мостовая сонно дремала в полуденном солнце, а вокруг не было ни души – обычный тихий переулок огромного города в самый разгар рабочего дня. Где-то, в паре кварталов отсюда, гудело оживленное шоссе, толпы людей спускались в метро и поднимались на поверхность, царили суматоха и шум, но здесь... Здесь был совсем другой мир.

Молодожены, встав лицом друг к другу прямо в центре проезжей части, изобразили поцелуй, а Холли, заняв позицию чуть выше, сфотографировала их на фоне небольшой старинной церкви, притаившейся среди высоких домов, сделав сразу несколько кадров. Холли всегда делала несколько кадров, чтобы потом выбрать из них лучший и только его предложить клиенту.

Она еще не успела опустить фотоаппарат, как вдруг услышала протяжный вой автомобильного клаксона за спиной и, резко развернувшись в сторону внезапно возникшего шума, увидела несущийся со спуска грузовик-водовоз, за лобовым стеклом кабины которого

Холли разглядела безумные от страха глаза темнокожего водителя, который отчаянно давил на сигнал, понимая, что столкновение неизбежно.

Так и случилось.

Ни Холли, ни молодожены даже не успели среагировать. Всё произошло в считанные секунды. Грузовик, продолжая издавать истошный плач клаксона, снес всех троих, будто с силой брошенный шар для боулинга сбивает кегли, и на полной скорости влетел в стену дома, не вписавшись в очередной изгиб переулка.

В течение нескольких следующих секунд в переулке царила гробовая тишина, словно никто еще не осознал, что произошла трагедия, а потом послышались нарастающие из окон женские крики, мужские взволнованные голоса, и из домов стали выбегать люди. Дремавший до этого переулок быстро оживился и теперь ничто не напоминало о том, что всего лишь несколько минут назад он казался таким спокойным и безмятежным.

Жители домов и владельцы маленьких магазинчиков и кафе и подумать не могли, что в их сонном, затерянном в огромном городе переулочке, может случиться такая страшная беда...

К сожалению, ни водитель цистерны, ни молодожены не выжили. Все трое погибли на месте в том самом переулке, и их смерть была мгновенной. Холли повезло больше, если, конечно, это можно назвать везением. Несмотря на то, что физически она практически не пострадала, что удивило всех, в том числе и офицеров полиции, расследовавших обстоятельства аварии, врачи, проведя необходимые исследования, совершили страшное открытие – в ее организме стремительно развивалась злокачественная опухоль, которая пока ничем не выдавала себя, но метастазы уже распространились по всему телу, не давая Холли ни единого шанса дотянуть хотя бы до Рождества.

Эта новость стала для Холли очень тяжелым ударом.

Узнав об этом, она практически перестала вставать с больничной кровати и все время проводила в безутешном плаче понимая, что вся ее жизнь, толком даже не успевшая начаться, заканчивается, и она никогда не станет всемирно известным фоторепортером и не объездит всю планету. Холли понимала, что ее жизнь оказалась напрасной и проклинала бога за то, что он не дал ей возможности умереть еще в младенческом возрасте для того, чтобы она не успела полюбить жизнь и осознать, какое это прекрасное чувство – жить...

В один из таких тоскливых дней она лежала на боку в своей кровати и, не сводя заплаканных глаз с окна, за которым легкий летний теплый ветерок игриво раскачивал густую листву давно отцветшей сирени, тихонько всхлипывала, как вдруг услышала за спиной мужской голос:

– Значит, решила спрятаться от жизни в стенах больницы?

Не ожидая посетителей, Холли вздрогнула от неожиданности, хотя голос показался ей очень знакомым. Развернув голову, она увидела сидящего на стуле возле кровати моложавого брюнета средних лет с умными, прозорливыми голубыми глазами, который дружелюбно улыбался и внимательно смотрел на нее. Холли была уверена, что где-то уже встречала этого мужчину, но сквозь пелену слёз ей

было трудно понять, кто же он на самом деле. Она села в кровати, моргнула несколько раз и начала активно вытирать веки широко раскрытыми ладонями, пытаясь, как можно скорее, сфокусировать зрение и встряхнуть память, но сделать это оказалось гораздо сложнее, чем она предполагала.

– Врач рассказал мне о состоянии твоего здоровья, – продолжил брюнет доброжелательным тоном и положил букет цветов на прикроватную тумбочку. – Я сначала купил их, а только потом сообразил, что такой знак внимания вполне может быть ошибкой. Во-первых, я не твой жених, а во-вторых, ты, возможно, вообще не любишь цветы или у тебя на них аллергия, но... Что сделано, то сделано! Надеюсь, этот букет скрасит твои бесконечно одинаковые дни и хоть немного улучшит твоё настроение.

– Мистер Спешви... – всхлипнула Холли, сообразив, наконец, что перед ней находится Джеймс Спешви – преподаватель по фотожурналистике из колледжа и ее ведущий наставник. Она очень любила его и всегда относилась к нему с большим уважением, а тот, в свою очередь, тоже души не чаял в своей лучшей студентке. – Простите, я не сразу узнала вас... Нет, у меня никогда не было аллергии на цветы, спасибо за этот прекрасный букет... Как... Как вы узнали, где я?

Джеймс пожал плечами и простодушно ответил:

– В конце концов, когда ты несколько дней подряд пытаешься дозвониться до своей самой любимой и способной ученицы, чтобы поздравить ее с наступившим совершеннолетием, но она не подходит к телефону, то, признаюсь, это начинает настораживать.

– Вы мне звонили? – с трудом взяв себя в руки и перестав плакать, спросила Холли.

– Звонил ли я тебе? Звонил, и не раз! Я начал волноваться и подозревать, что с тобой произошла какая-нибудь беда. А уж найти тебя оказалось делом нехитрым, поэтому я решил заглянуть и посмотреть, как у тебя дела...

– Дела мои очень скверные, – тихим голосом ответила Холли, закрыв глаза и чувствуя, что вот-вот снова расплачется. – Я умираю и...

– Чушь собачья, – отрезал он, не дав ей договорить. – Ты не умрешь!

– Зачем вы пришли, мистер Спешви? – вздохнула Холли и этот вопрос прозвучал довольно грубо и неожиданно из ее уст. – Чтобы рассказать мне о том, как все образумится и какой счастливой жизнью я буду жить еще долгие-долгие годы?

– А ты сомневаешься в этом? – с улыбкой поднял он брови, не обращая внимания на ее враждебный выпад.

– Мистер Спешви... Я очень ценю тот факт, что вы зашли провести меня, но... – Холли замолчала, пытаясь не расплакаться и правильно подобрать слова. – Но... Мне это не нужно... Простите... Я скоро умру... Для чего я жила? Чтобы умереть? Просто для этого? Боже, как обидно...

– Ты не умрешь, Холли. По крайней мере, не в ближайшем будущем. Но, если тебе будет хоть немного легче от моих слов, то скажу тебе, что умирают абсолютно все, – самым серьезным голосом ответил мистер Спешви и это прозвучало довольно жестоко. – Рано или поздно... Никому из людей не удалось и не удастся избежать этого, может быть, именно поэтому мы и называемся смертными...

– Люди умирают в кругу семьи в глубокой старости понимая, что не зря прожили эту жизнь, – оборвала его Холли и снова расплакалась. – Но почему должна умирать я? Мне только-только стукнуло восемнадцать, и я еще совсем ничего не успела... Восемнадцать! Не девяносто девять, понимаете?... Боже, как же мне не хочется умирать, у меня столько планов! Почему? Почему, почему?!

– Ты не умрешь, обещаю, – повторил Джеймс.

– Вы знаете, что это ложь, – всхлипнула Холли. – Я уже умираю. Мне осталось не больше трех, может, четырех месяцев, если повезет...

– Хорошо, Холли, – вздохнул Джеймс, понимая, что спор абсолютно бесполезен и в нем нет никакой необходимости. – Но скажи-ка мне, если ты настроилась умереть в ближайшем будущем, то зачем лежишь в больнице и даешь врачам пичкать тебя наркотиками и лекарствами?

– К чему вы клоните? – нахмурилась Холли и, перестав плакать, с недоумением посмотрела на своего наставника.

– К тому, дорогая, что если ты все равно умрешь, то зачем ждать смерти, лежа в этой кровати и бесполезно растрачивая последние дни своей жизни? Разве тебя держат в больнице насильно?

– Нет, но...

– Ты могла бы выписаться и продолжать заниматься любимым делом! Заниматься тем, что действительно делает тебя счастливой, а не ждать смерти с заплаканными глазами, закидывая в себя очередную порцию обезболивающих таблеток, которые, все равно, не спасут тебя! – теперь голос Джеймса звучал твердо и в нем отчетливо слышались нотки презрения. – Это просто позор, лежать и просто ждать смерти, зная, что в любом случае, у тебя нет ни единого шанса выжить...

– Я хочу, чтобы вы ушли, мистер Спешви... – глухо выдавила из себя Холли. – Пожалуйста, оставьте меня одну...

– Я тоже хочу, чтобы ты ушла, – ответил он и, встав со стула, направился к двери. – Со мной или без меня, это неважно, но я искренне желаю, чтобы ты встала с этой проклятой кровати и вернулась к жизни! Поверь, лучше три недели прожить на полную катушку, чем три месяца валяться в этой больнице, заглушая боль и страх транквилизаторами и антидепрессантами! – остановившись на пороге, он развернулся и добавил. – Подумай над тем, что я сказал, Холли, и сделай правильный шаг.

Дверь за ним захлопнулась и в палате наступила мертвая тишина, нарушаемая лишь частыми всхлипами Холли и ровным шумом кондиционера, висящего на противоположной стене. Она никогда не видела своего наставника таким жестким и даже жестоким и ни разу в жизни не слышала холода и презрения в его голосе. Джеймс Спешви всегда казался ей милым, сговорчивым интеллигентом, не способным обидеть даже мухи, но теперь, вместо того, чтобы успокоить свою лучшую ученицу и посочувствовать ей, он в довольно резкой форме порекомендовал ей бросить лечение, аргументируя свой совет тем, что она все равно не убежит от смерти, которую так ждёт.

Какой хам! Холли не ожидала услышать от него такие беспощадные слова. Но самым обидным было то, что она отчетливо понимала, что мистер Спешви сказал чистую правду. Заставив себя перестать плакать, Холли уставилась на белую стену палаты и ей стало страшно при мысли о том, что это последнее, что она видит в своей жизни.